Роман Сенчин

Юрий Буйда

Герман Садулаев

Вадим Левенталь

и другие

ОТЦЫ и ДЕТИ. 2.0

Антология современного
русского рассказа

Новая проза (РИПОЛ)

Дмитрий Данилов

Отцы и дети. 2.0

«РИПОЛ Классик»
2017

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Данилов Д. А.

Отцы и дети. 2.0 / Д. А. Данилов — «РИПОЛ Классик», 2017 — (Новая проза (РИПОЛ))

ISBN 978-5-386-09933-6

Детство – жестокая пора. Если вас в детском саду никогда не заставляли мыть пол собственной рубашкой, если вы ночью не забирались на старые кладбища, чтобы побояться, и не дразнили во дворе странного старика, похожего на сумасшедшего, вы просто не были ребенком. Истории, вошедшие в эту книгу, почти все про детство, но написаны они взрослыми людьми, пережившими не одну катастрофу и умеющими взглянуть на мир глазами «отцов».

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-386-09933-6

© Данилов Д. А., 2017
© РИПОЛ Классик, 2017

Содержание

Фарид Нагим 6
Владимир Гуга 9
Дмитрий Конаныхин 10
Дмитрий Данилов 18
Александр Феденко 25
Владимир Гуга 26
Дмитрий Конаныхин 27
Владимир Гуга 34
Михаил Липскеров 36
Евгений Сулес 37
Конец ознакомительного фрагмента. 39

Ованес Азнаурян
Отцы и дети. 2.0
Антология современного русского рассказа (сборник)

© Коллектив авторов, 2017
© Издание, оформление. ООО Группа Компаний «РИПОЛ Классик»

Фарид Нагим
…А ФАРИТ ДУЕТ И СМЕЕТСЯ

И чего только не бывает, когда мужчины собираются вместе.

Мы собирались у Фарита Маленького. Общежитие, комната 519. Мы часто сходились на этом участке земли. Я, Фарит Маленький, Фаиг и Хачик. Всего пять вечера, а на улице темно, будто затмение.

В комнате горела настольная лампа, «Джейн Эйр» – так называет ее Фаиг, за абажурчик, похожий на капор. Наши тени на стенах жили отдельно от нас, говорили нашими головами, и все иной раз вздрагивали, оборачивались на свою тень.

Хачик с Фаигом сидели за столом друг против друга, спорили – делил и землю на Армению и Азербайджан. Фаиг взял у Хачика взаймы денег, и вот ругаются теперь. Хачик – бизнесмен. Он часто приезжает к нам, его тянет сюда. Видимо, устает от денег и хочет посмотреть на них со стороны, как мы это делаем. Нужно сказать про галстук Хачика. Он яркий и длинный. Не галстук, а кливер, ждущий попутного ветра; не галстук, а лоз а в поисках золотого места. Через сто лет услышу имя «Хачик» и сразу вспомню: светлые, скованные гелем волосы, слегка вогнутый нос – и галстук, броский, как восклицательный знак.

Фаиг – студент, как я и Фарит Маленький. Добрый папу Фаиг, так он сам себя называет. Именно папу, а не папа. Он живет внутри себя. Если его оттуда извлечь, он себя не узнает, как человек, всю жизнь проживший в крепости, когда ему показывают эту же крепость снаружи, спрашивает: «Что это за крепость такая?!» Фаиг носит очки. Когда он в очках, это смирный начитанный студент, немного похожий на рассеянного англичанина, без очков – хитрый, беспощадный мусульманин. Странно, очки даже самое зверское лицо делают добрым и наивным. Фаиг смешно шевелит верхней губой, будто хочет достать ею кончик носа. Видимо, переносица чешется под коромыслицем очков, а носом шевелить не получается – вот и работает губа. И еще, Фаиг периодически ударяется в бизнес, только ему деньги нужны для внутреннего спокойствия, в отличие от Хачика, которому они просто нужны.

Нам с Фаритом Маленьким делить нечего. Мы татары. Мне кажется, что если кто-то крикнет: «Бей евреев!», то многие, не дай, конечно, бог, будут их бить; а если крикнет: «Бей татар!», то все татары разом и одобрительно закричат: «Бей татар, бей этих гадов!», и все растеряются, а кого же в таком случае бить?! По-моему, нет нации на Земле, которая бы так сама себя презирала на людях, как татары. Когда у меня кто-нибудь спрашивает, какой я национальности, я говорю: татарин – и почему-то внутренне вздрагиваю.

Я сидел на кровати, а Фарит напротив меня на другой. Он настороженно косился и что-то шептал, я даже заволновался: «Может, он в чем-то меня подозревает?!»

Я заискивающе улыбнулся ему.

По-моему, нет на Земле человека честнее Фарита Маленького. Если он видит, что один человек обманывает другого, то краснеет, трет ладонь о ладонь, будто их нестерпимо жжет, ходит из угла в угол и громко и тяжело вздыхает, будто столетний дед. Его можно поставить на главном перекрестке мира – чуть кто кого начнет облапошивать, так Фарит покраснеет и тяжело, громко, на весь мир вздохнет. Фарит при довольно-таки мужественном лице имеет светлые и какие-то виновато-удивленные глаза, у Фарита маленькие, похожие на лук ангела, губы.

И вот я ему улыбнулся. А он хихикнул и спрятал руки за спину. Тут я слегка разозлился на это хихиканье и на себя – за то, что разволновался и даже заискивал перед ним. С какой стати?! Чтобы лучше к себе прислушаться, я решил закурить. Достал сигаретку, вкусно сглотнув, прихватил ее губами, чиркнул спичкой, глаза закрыл от наслаждения и уже хотел слиз-

нуть сигареткой огонек, как услышал странный звук. Открыл глаза – оказывается, Фарит дунул и погасил мой огонек! Сам стоял по-собачьи, на четвереньках, и подозрительно смотрел на меня, словно я что-то украл и не хочу признаваться. Я взял сигаретку в пальцы, отвел руку и строго посмотрел на Фарита. Ничего странного в нем не заметил. Решительно сунул сигаретку в зубы, чиркнул… Фарит аккуратно, коротко дунул – листик, не успев распуститься, зачах на спичинке. Я спокойно выбросил, вернее, как бы выронил пустую спичинку, скорбно посмотрел на Фарита и глубоко задумался: «Что Фарит этим хочет сказать?!» Задумчиво и хладнокровно, будто бы ничего не произошло, достал другую спичку. А он, чему-то радуясь, принял более удобное для атаки положение и следил за моим поведением, точно охотник в засаде. Я спокойно поправил чубчик, закинул ногу на ногу, мышцы руки вздрогнули – чиркнуть, я их сдержал, обернулся и посмотрел – конечно, нечего такого за моей спиной не было. Я это делал специально, чтобы дать понять Фариту, будто не догадался, что он надо мной издевается. Может, отвяжется. Дал я ему это понять. Вяло-вяло, не веря в успех, чиркнул, даже спичка не загорелась, а Фарит – мне страшно стало за него – вскинул голову и что есть мочи, дико надув щеки, дунул. Ничего он не понял! И, наверное, увидев себя со стороны, как он дует впустую, засмеялся. Губы его вздрагивали, поток смеха едва не разбрызгивал их, вокруг Фарита даже светлее стало. Он смеялся, как специально обманувшийся ребенок.

– Фарит! – сказал я строго, решив его заговорить. – Я понимаю, истерика у тебя, видимо, но при чем тут огонек. Если ты думаешь, что я что-то замышляю против тебя, то я просто хочу подкурить, а для этого нужен огонек. Не туши его, брат.

Совершенно бесполезно было с ним говорить. Он смеялся и пытался собрать разбегающиеся губы, чтобы дуть, и получался такой звук, каким малыш изображает мотор своего грузовичка. Я все больше раздражался. И уже злобно чиркнул спичкой, но тут заметил, что моя сигаретка куда-то делась. Мне стыдно стало ее искать под идиотский смех Фарита, показать ему, что он довел меня, я нервничаю. А Фарит дрожащим пальцем указал на мою руку.

– Я и сам знал, – сказал я увидев сигаретку в своей руке. – Просто прикидывался.

Фарит уже изготовился, он прилагал страшные усилия, чтобы не смеяться, и содрогался всем телом, так содрогается плохо закрепленный мотор, когда его заводят. Смех рвался из него, точно выхлопные газы.

Хачик с Фаигом забеспокоились, но продолжали спорить, правд а уже осторожно, прислушиваясь, не над ними ли смеется Фарит. Тут Фарит не выдержал, смех вырвался из него огромной, дикой птицей, наверное, оттого, что теперь я не мог найти коробок. Не поверите – я действительно не мог его найти.

Фаиг с Хачиком оба резко повернулись и уставились на Фарита.

– Слушай, по-моему, он все-таки над нами! – болезненно нахмурившись, сказал Хачик.

– Нньет! – отрубил Фаиг, снял очки и хладнокровно пошевелил губой. – Я долго слушал – не над нами, он только делает вид, что смеется над нами, на самом деле он смеется не над нами.

– Если не над нами, то из-за того, что мы бакланим, как два баклана!

– Ты не понимаешь прикола. – Фаиг надел очки. – Они сговорились, да, смеяться над нами, а на самом деле он смеется не над нами.

И они глубоко задумались. А потом повернулись друг к другу, отодвинули «Джейн Эйр» на край стола и с жаром стали спорить, над кем смеется Фарит. Хачик, с удивительной вежливостью в голосе, приводил множество доводов в пользу того, что Фарит смеется именно над ними. Фаиг перебивал. Хачик, не слушая его, поворачивался к окну и, до предела удивленный, говорил кому-то: «Нет, нет! Посмотрите на меня, я, в натуре, спорю еще с этим отморозком, как бы проявляя дань уважения, на… Слышь, ты сам-то слышишь, что говоришь? Все послушайте, да!»

Фаиг замолкал, смотрел на него с ненавистью, цыкал и восклицал: «Э! Э!»

А Армения и Азербайджан, свободно вздохнули и растворились в кровеносной системе мира.

Я же зажигаю спичку, а Фарит дует и смеется. Смеется, будто вдруг понял что-то великое и от этого сошел с ума. Лицо его раскраснелось, опухло, ноги и руки нервно дрожали, точно перебитые.

Я бы, конечно, мог закурить. Отвернуться и закурить, но я стал догадываться, ЧТО Фарит хочет сказать. И он, изменив интонацию смех а, дал мне почувствовать, что я иду по верному пути, только нужно зажигать спичку, чтобы он мог дуть и смеяться.

Хачик с Фаигом не выдержали и подсели к Фариту с обеих сторон.

– Фаритжан, – интимно склонившись к его уху, оказал Хачик. – Японская культура существует тысячу лет, и так далее, это долго… Короче, я как-то это все доказал. Ты, Фарит, теперь скажи ему, что смеешься над нами.

Фаиг хладнокровно смотрел на них сквозь очки, держа их перевернутыми далеко от лица, а потом тоже склонился к Фариту.

– Эфенди Фарит… хе-хе… даже глупо, я ведь разгадал вашу хитрость, ты только делаешь вид, что смеешься над нами, а этот знахарь, да, говорит, что ты смеешься над нами! Скажика ему, что ты делаешь?!

Я же зажигаю спичку, а Фарит дует и смеется, а Хачик с Фаигом крепко держат его, чтобы он не упал, так он смеется. Держат и даже направляют его голову, чтобы он не промахнулся, и так они стараются, будто это дело всей их жизни. Стараются и все же ничего не могут понять, ник а к до них не дойдет.

Фарит загасил спичку. Хачик с Фаигом о чем-то договорились, поднялись и пошли на выход.

– Это еще не последний аргумент, – говорил Хачик. – Как-то так…

У него были растерянные глаза, и галстук замер вопросом.

– Посмотрим-посмотрим, аргумент-шрамгумент! – Добрый папу Фаиг лихорадочно шевелил губой.

Они ушли. За ними захлопнулась дверь.

Дураки! Они так ничего и не поняли. А ведь все просто: я зажигаю спичку, а Фарит дует, дует и смеется.

Владимир Гуга
«КУНЦЕВСКАЯ»

Я чуть было не устроился пиарщиком в очень крутую компанию «Кремлевские колбасы». Три дня выполнял тестовое задание, и вот меня пригласили. На собеседовании HR-girl сверлила меня змеиным взглядом и задавала провокационные вопросы. А я в это время мучительно пытался решить, кем мне лучше прикинуться: слабохарактерной, глупой тряпкой или уверенным, умным мужиком. Пока решал, собеседование и закончилось.

– Владимир, мы с вами свяжемся, – пообещала гюрза, что означает: пошел вон отсюда, лузер!

Ну, я и пошел. Не в первый раз и не в последний мне указывают на дверь.

Шел я, шел и дошел до станции «Кунцевская», около вестибюля которой одна красивая девушка, совсем дитя, брякнулась в обморок буквально на мои руки. Я подумал, что она потерла сознание, увидев меня. Не знаю… Все может быть. Я тут же уложил ее на газон и расстегнул до основания блузку. Девушка инстинктивно очнулась.

– Сахар в норме? – стал я задавать серьезные вопросы. – Сердце в порядке? Давление? Судороги бывают? Вот, положите под язык валидол.

– Я очень хочу в туалет, – взмолилась бедняжка.

Тут уже я чуть не упал в обморок. Что предпринять-то? Звать кого-нибудь на помощь? Бред. Нести ее куда-нибудь? Но куда? Вокруг ни кустов, ни палаток (Собянин, сука, все посносил), ни железных ракушек-гаражей (Лужков, падла, все уничтожил). Может, убежать?

– Лена, что с тобой? – раздался спасительный возглас.

К девушке подскочили еще два прелестных создания – видимо, ее офисные подружки. Одна из них зыркнула на меня, словно на маньяка. Пока они хлопотали около Лены, я скрылся. Но у самой стеклянной двери входа в метра я все-таки обернулся, и наши взгляды встретились. В глазах Леночки мерцал вопрос…

Пройдут годы. Лена, конечно, повзрослеет, станет Еленой, допустим, Ивановной. Выйдет замуж. Возьмет с супругом и выплатит ипотечный кредит. Родит двух деток. Станет бабушкой. И всю жизнь она время от времени с теплой улыбкой будет вспоминать таинственного незнакомца, не позволившего ей раскроить голову о бордюр. Уверен, что образ рыцаря с благородными седыми висками, его загорелые залысины, голое пузцо, выглядывающее в промежуток между футболкой и солдатским ремнем, сигарета за ухом, жестянка «Ярпива» в руке, подслеповатые глазенки на двухметровом штативе, джинсы, болтающиеся на коленях, – все это врежется в ее память на всю жизнь.

А когда Леночке стукнет девяносто пять лет, она приедет к станции «Кунцевская» со своими правнуками и устроит вечер воспоминаний. Как та старушка из фильма «Титаник» вспоминала резвого Ди Каприо, так же пожилая Елена Ивановна будет вспоминать меня, мелькнувшего в ее жизни, будто мимолетное видение. Мой таинственный образ будет теплиться в ее сердце до последнего вздоха. И из жизни она уйдет все с тем же мерцающим в глазах вопросом: «Кто же это был?»

Ведь в жизни каждого нормального человека должен обязательно присутствовать какой-то особый глубокий смысл, недоступный и непостижимый даже самым близким ему людям.

Дмитрий Конаныхин
330 МЕТРОВ В СЕКУНДУ

Это случилось тем безумно жарким летом, когда гадюки боялись сойти с ума, ордынский суховей иссушил заливные луга, а рубиновые, изумрудные и гранатовые ящерки носились по плитняку давно разрушенной речной мельницы, пытаясь оставить те же следы, что их царственные предки-гиганты. Выгоревшее небо, в котором ленивой медузой термоядило древнее солнце, сорок дней не видело дождя, растрескавшаяся земля обморочно просила воды, в трещины рука уходила по локоть и не находила прохлады – лишь пыль и мертвые корни. И горячий ветер до горизонта, и дрожащее марево над полями, и Старый лес дрожал в том мареве, зеленой линией отделяя зеркало земли от зеркала небес, и лишь в Черном овраге, там, где по зеленому мху рассыпались янтарные бусы лисичек, в глубоком провале шуршал Марфин родник.

Убитая послевоенным лесосплавом река почти пересохла, спасение мы находим лишь в омуте под нашим домом. И сколько того омуточка – чаша в три моих, в четыре твоих роста, мне по плечи. Встать посреди парной воды, упереться в теплый ил и ждать, когда ты с берега нырнешь ко мне – все твои два роста. И мокрые ладони на горячие мои плечи, и ножками бедра оплетаешь, и теплыми губами моих горячих касаешься, и язычком, как ящерка, – и жар небес по макушке, и твои зеленые глаза против моих, и сладкая боль внизу, лишь водомерки бегут по водной ртути, голодный канюк кричит над горой, и кашка таким медом цветет, но не так сладко, как вкус твоей груди, лишь ключевая струйка пульсирует, бьется, вьется среди парной воды, толкает сердце – живи, Гриша, живи, пей время, пей женщину. Отпустить, поднять, держать тебя на воде, кружить, любуясь, разглядывая бесстыже, запоминая все, что ночью буду пить, целовать, ласкать, всем собой окружать, до стона, до тихого обморока, до горячего, сладкого пота – пей любовь, Гриша, пей, считай бессмертие по толчкам ее сердца, что стучит быстрее обычного, – то золотые корни плетутся, то волшебная роза, сестра Чернобыля, сильнее радиации, что сжигает небо, сжигает дальний лес, сжигает тебя сухим жаром. Она ложится на воду, она подставляет негритянский загар старому светилу, ее тень – ее сестра – скользит по дну; тебе – проплыть к берегу, вдохнуть пьяный дух камышей, ила, соснового бора, где стучит дятел, сладкой кашки, душистой материнки, что розовой пеной цветет под обрывом, беззвучно проскользить у самого дна, перевернуться, словно большой сом, и смотреть, на всю жизнь запоминать, как пузырьки из носа тонкой цепочкой поднимаются вверх, скользят по ее попе, по спине, по колышущейся гриве, и – всплыть.

– Бу!
– Что?
– Бу!
– А, это ты, Большой Медведь?
– Да, это я, Белка.
– Знаешь…
– Что?
– Я не хочу умирать.
– Ты не умрешь.
– Не хочу.
– Говорю же.
– Да?
– Да.

– Поклянись.
– Чтоб я сдох!
– Ага! Как ты можешь?
– А ты? Как *ты* можешь? Ты меня переживешь.
– Я больше не буду. Не говори так. Я действительно больше не буду. Обними меня.
– Я люблю тебя, Белка.
– И я тебя. Очень-очень.

Высоко-высоко над нашими головами плывет бурая пелена – за сотни километров отсюда горят торфяники, там беда, там жара, там люди в дыму, в чаду, там гудит огромный человечий муравейник, там наш завод работает в три смены, и люди, маленькие муравьи, своими маленькими, слабыми, мягкими ладонями сгибают броневую сталь в огромные колонны, там горят звезды патоновской сварки, там рождаются колоссальные реторты для будущих алхимиков; они зажгут рукотворные солнца глубоко под землей, разгонят дыхание смерти в циклоторонах, добудут вечный огонь, который не снился Прометею; они – это мы, только мы удрали, сбежали, исчезли – наш первый отпуск, мы играем в робинзонов в старой деревне на краю Старого леса.

Мы покупаем козье молоко у бабы Зины, малину – у бабы Нади, картошку варим свою – выкапываем мелкую из горячей земли. Весь дом – от пыльного подклета, до борова печи, от красного угла, где родители повесили старую икону на пальмовой доске, до разросшегося терновника – ягоды сладкие, перезревшие, в крапиву падают, но не такие сладкие, как твои губы, – весь столетний дом – только наш, он нас переживет, и детей наших, они же будут – будут обязательно, ведь мы же будем жить долго и счастливо, и ты не умрешь, ну же, что ты плачешь, дурочка, все хорошо, давай я тебе расскажу о грозе.

– Белка, ты знаешь, из чего тучи состоят?
– Из воды.
– Ага. А почему в тучах гроза?
– Дождинки?
– Не-а. Тучи – там, наверху, ближе к стратосфере, тучи состоят из снега.
– Из снега? Тучи? Поэтому они такие белые?
– Ну, не совсем. И вода отражает белый свет, и снег. Так вот, чтобы снежинка образовалась, нужны – что?
– Что?
– Ну же. Это же на лекциях было.
– У нас нет.
– Точно?
– Угу. Передай мне малину.
– А поцеловать?
– На!..
– Так… О чем я? Уф-ф-ф. Ты вкусно целуешься. Чемпионка.
– Ага.
– И язык розовый. Ты зачем гаишнику язык показала?
– А чего он, пузатый, на нас палочку наставил?
– Зараза!
– А то! Еще молока? Так. Давай о снеге.
– Чтобы снежинка образовалась, нужна пыль. Обычная пылинка. Только очень-очень маленькая, такая, чтобы ветер ее забросил на несколько километров. И там – высоко-высоко – на ней осаждаются первые молекулы воды. И растет правильный шестиугольник.

– Гриш…

– Что?

– А почему снежинки всегда шестиугольные? Ну, не квадратные, не семиугольные?

– А, это еще Кеплер, который Иоганн, доказал. Он своему благодетелю, императорскому советнику-не-помню-какому, подарил рождественский подарок: «Рассуждение о снежинках». Я в Залесске купил, в магазине, за год, когда в тебя влюбился. Только ты еще тогда не знала.

– А вот и знала!

– Не показывай язык!

– Знала!

– Откуда?!

– Я загадала. Сидела на сеансе в кинотеатре. А потом оглянулась… Это, кажется, «Сокровища Атлантиды» шли, ну, там, где они нырнули.

– Точно! Я три раза ходил.

– Ты всегда сидел на заднем ряду.

– Точно.

– А я загадала, что оглянусь… Оглянулась, а там ты сидел. Один. И смотрел. И меня не видел. А потом ты вышел из кино и пошел к себе, а я запомнила, что у тебя спина была мокрая.

– Блин.

– Что, Большой Медведь?

– Получается, ты меня выбрала? Это не я тебя нашел?

– Ха! Знай наших!

– От вы, Евины дочки… Вот так всю жизнь живешь, думаешь, что ты самый умный, и хитрый, и ловкий, и украл так ловко, ан нет – оказывается, сам в сети попадаешь. Оказывается, это нас выбирают.

– Ты умнеешь на глазах.

– Зараза!

– Так, хватит целоваться. Ты о снежинках не рассказал.

– Смотри, все очень просто. Кеплер ходил по двору, вымощенному плитками, и думал-думал-думал. Вообще, думать – это прикольно. И он понял, что это задачка на то, как минимальным количеством фигур покрыть максимальную площадь. А какая фигура с самыми маленькими размерами занимает самую большую площадь? Ну, это третий класс!

– Круг?

– Точно. А какой многоугольник ближе всего к кругу, но чтобы эти многоугольники между собой без зазоров складывались, как плиткой?

– Восьмиугольник?

– Да тю.

– А, поняла. Шестиугольники.

– Ну. А он целую брошюру написал, вельможе на Новый год подарил, очень витиеватое рассуждение получилось, тогда все было витиевато… Ты куда?

– Сейчас, вынесу тарелки на мост. Слушай, ни туда ни сюда! Ну что это – оставлять? Допей молоко! Ну, пожалуйста!

– Хорошо…

– Гриш!

– Что?

– Бегом сюда!

– Что случилось?

– Бегом!

Над Старым лесом, расчертившим пыльный горизонт, висел маленький белый клубок. Это не была огромная туча, из тех, которые пару недель назад попытались пролить дожди на выжженную долину, – мы видели ливни, что обрушивались на нас и испарялись, не долетая до земли, лишь пугали мечущихся ласточек, – нет, это был просто белый клубок, инопланетной тарелкой зависший над Марфиным ключом.

– Белка…
– Что?
– Белка, беда идет. Большая беда.
– Ты что?!
– Белка, бегом побежали, все, что на заборе, снимай, все в дом.
– Гришка, ты с ума сошел?
– Смотри!

Клубок рос слишком быстро, будто маленький пацан катал снежный комок из стратосферной стужи. Сначала комок был с яблоко, потом с футбольный мяч, термоядерная медуза поежилась, дохнуло ледяным ветром…

– Гришка!
– Не бойся! Давай быстрее!
– Гришка, я боюсь!
– Не бойся ты! Давай в дом убегай!
– А ты?!
– А я… Я посмотрю…
– Я с тобой!
– Марш отсюда!
– Не пойду! Чтобы тебя шаровая молния шарахнула?! В Рихмана играешь?! Я без тебя никуда!
– Брысь отсюда! Здесь стой, у двери.

Терновник уже клонился до земли, ягоды сыпались с глухим стуком, жухлые листья летели над землей, пыль, сор, мусор с полей вились жгутами через реку, через высохшую деревню, желтые пасмы песка перелетали через дальнюю молочную ферму, ветер заревел, будто Создатель включил аэродинамическую трубу…

– Гришка! Гриш-ка!
– Что?!
– Будет смерч?!
– Не зна-ю! Мо-лись, что-бы кры-ша!
– Что?!
– Что-бы кры-ша не у-ле-те-ла!

Шарах!

Черная туча грохочет в полнеба, над Старым лесом пляшет занавес из розовых и синих молний, уже ничего не слышно, только твоя потная ладошка в моей руке, я слышу, как стучит твое сердечко, слышу, как звенит твоя кровь, которую жжет золотой корень, волшебная роза, что жарче Чернобыля, оранжевые молнии лупят по полю, распаляясь, раскаляясь от бешеной пляски…

– Быстро в дом!

Закрыть, запереть, спрятаться – маленькие человечки, потные ладошки, сердечки-комочки, как мышата, – что есть человек перед ликом Его?

Гремит!

– Ну, Белка, давай молоко допьем.

– А?

– Плохо слышишь? Громко?

– Так гремит… Обними меня.

– Ты знаешь, как считать, где гроза?

– Как?

– Просто. Скорость звука триста тридцать метров в секунду. Проще говоря, за три секунды звук проходит километр. А скорость света – триста тысяч километров в секунду. Мгновенно. Поэтому молния блеснет… Ты слушаешь?

– У тебя так сердце бухает.

– Я люблю тебя. Ты вкусно пахнешь.

– Ты вкуснее. Очень-очень.

– О звуке и свете. Рассказывай.

– Перестань целоваться.

– Перестану.

– Не щекочись!

– Не буду. Давай, а то защекочу.

– Молния блеснула – считай.

– Как?

– Спокойно. Двадцать два, значит, секунда. Двадцать два, двадцать два, двадцать два. Уже три секунды. Значит, километр. Шесть секунд прошло с молнии – сколько километров отсюда сверкнуло?

– Два?

– Теперь сама считай. Сейчас молния блеснет… Есть!

– …Семь, восемь, девять… Три километра?

– Ага. Видишь, это не страшно. Это далеко. Сейчас еще молнию дождемся…

Шарах! И блеск! И гром – сухой, резкий, уши заложило.

– Гриша?..

– Стоп… Это уже по нам. Это по деревне.

И посреди пляски молний, посреди оранжевых и ослепительно синих сполохов – звон. Кто-то колотит в рельс – заполошно, тревожно, как в колокол, как в деревянные била, что раньше об ордынской напасти возвещали, – над взметенной деревней, над старым, как бог, миром русский человек бьет в железо: спасайте!

– Белка! Пожар. Горит где-то. Бежим! Хватай ведра!

– Какие?!

– Любые! Давай!

– Куда ты?

– Босиком давай, не сахарные, не растаем!

И тебе – двадцать пять. Ты переполнен силой. Ты переполнен восторгом. Над тобой – до самой стратосферы – свежий ветер, и кружит, и стонет, и хохочет, и до синего-синего неба,

где светит умытое солнце, кружат тучи, рвется кисея зноя, там – во весь кислородный простор сияют звезды; ты бежишь по горячей пыли, летишь, не чуя ног под собой, ты – молодой, что есть больше счастья для парня – быть живым и сильным?

И мимо старых, нахохлившихся домов, что век свой доживают, и бегом мимо заколоченного дома бабы Шурки; родня пропивать деньги приезжала, да не дождалась «пензии», да заколотила двери до следующего приезда, а бабку внутри избы оставила, все равно не жилец та бабка, уже мхом покрылась…

Двери бабы Шуркиного дома с грохотом разлетелись – на пороге стояла сама несостоявшаяся паралитичка. Огненные глаза. Топор в руках. Крупной рысью баба Шурка пронеслась мимо меня, обогнала и пошла аллюром:

– Ы-ы-ы! Господи! Три раза! Три раза горело село! Не дам! Не позволю! Перед смертью!

И унеслась вперед.

– Белка!.. Ты это видела?!

– Бабка Шурка…

– Воскресла!

– Святый Боже, святый крепкий, святый бессмертный…

– Во чешет!..

А бабка Шурка уже перескочила овраг, перескочила разметенные дрова – ветер поленницу опрокинул, мимо летающих над крышами куриц и скулящих из будок кабыздохов, и мимо дома московского художника, единственного еврея на селе, что сейчас стоял на крыше с метлой – куда там Дон Кихоту с его копьем, наш Аркаша решил отгонять со своей крыши летящие клочья горящей соломы, – а за селом, у фермы, ветер же на деревню дует, горела-пылала-завивалась в огненную спираль скирда колхозной соломы, что на зиму была заготовлена, – туда летела старая бабка, что передумала умирать и паралититься и «не достанется Гальке-невестке пензия, нечего!».

Молния ударила в самую середину огромной, метров в двести скирды, сложенной из новомодных валков в диаметр человека. Ударила, подпалила.

У скирды, в почтенном отдалении, собралась вся деревня – пара ребят из Мурома, да с десяток теток-дачниц, да местные – дюжина мелкошкольников на летних каникулах, пяток глубоких стариков – петухи на развод, и десятка два старух, что те наседки. И над всем пейзажем – с пылающей скирдой и пыльным горизонтом – в библейском одиночестве стоял пятидесятилетний московский художник Аркаша.

– Эй! Давайте тушите!

– А чего оно, бля, ваще, бля, хули тут, оно, видишь, как горит, ни хера…

– Дядь Вань, ты что?! Ты ж фронтовик!

– Да какой он в пязду фронтовик! Он обозник! Его корова забодала, не далась, когда он ее к быку водил! На пенек встал, корову даже не осилил! Ни хера хера у него нет!

– Валька! Не пизди тут! Вожжой!

– Ты?! Да ты мне тут! Я сейчас тебя!

– Убери палку, старая!

– Я старая?! Это я старая?!

– Эй, люди, вы что? А тушить?

– А как его тушить-то, Гриня? Ты те валки видел? Их же не сдвинешь ни х… Ой, извините, мы тут… А оно, видишь, как… Ну, ето…

Пока дядя Ваня, как самый молодой парень на деревне, последнего призыва, годков шестидесяти восьми, дико извиняется перед тобой, ты висишь у меня на плечах.

– Не пущу!

– Отцепись!

– Гришка, с ума сошел?!

– Отцепись, кому говорят! Ты зачем гимнастерку на мне рвешь?!

– Сгоришь, дурак!

– Уйди! Ты что?! Видишь, какой ветер?!

А ветер пошел, задул, засвистел вдоль деревни, горящая солома пыхнула жарче, жар-птицы взвились над пожаром и полетели, полетели над гумном, над огородами бабы Ольки и бабы Вальки да по-над сединами московского художника Аркаши – полетели жар-птицы выжигать пересушенное столетнее дерево.

– Белка! Там крыши дранкой крыты! Сейчас село сгорит за десять минут, ты что!

– Не пущу!

– Уйди, зараза!

И ты прыгаешь на скирду, ты по-другому не можешь, ты упруг, силен, ловок и глуп до безумия, ты что-то вопишь, ты держишь извивающуюся змею пожарного шланга, что-то кричишь пожарным, что в сторонке покуривают, поглядывают на тебя, придурка городского, и еще два пацана, тоже городских – делать нечего, больше всех надо, – держат шланг, и белая струя бьет внутрь огромной скирды, ты понимаешь, что сейчас, если не потушишь, провалишься внутрь, ничего не спасет, и дедовы головешки сгоревших моряков подлодки, и никакая плацента, ничто не спасет, но ее зеленые глаза и порванная на тебе гимнастерка – порвала же! удивительно когтистыми бывают влюбленные в нас женщины! – вот же, стоит, смотрит на тебя, только тебя видит, и ты только ее видишь, и больше никого нет, и ничего нет, кроме тебя, огня и ее глаз, и ты орешь от восторга и силы, и от счастья своей силы, и дышишь черным дымом, и пускаешь воду внутрь ревущего огня, и что-то поешь, горланишь, материшься в азарте, белозубо скалишься, стираешь копоть с рожи, скачешь поверху скирды, что тот гайдаевский хулиган, только очкарика Шурика не хватает, и бесцветное пламя становится буро-оранжевым, и белый пар свистит изнутри, там, где испаряется вода, и весь восторг, и страх, и здорово же – быть молодым! – и ты меняешься с пацанами, и зовешь, ждешь еще водовозку, и даже старики начали песком кидать, и вся деревня забегала, и все лопаты тащат, и московский художник Аркаша машет метлой на крыше, и ты знаешь, что дело делаешь, которое по-другому невозможно делать, нельзя же в сторонке стоять, пока такое творится…

Пщ-щ-щ…

– Эй! Эй?! Что такое?

– Вода закончилась. Водовозка сломалась.

– Ребят, да вы что?! Сейчас же опять разгорится!

– Тебе чё? Я руками воду из речки таскать буду?!

– Мужики, так нельзя!

– Ты чё, вообще, разорался? Тебе что надо? Вот заведующая фермой придет…

– Жорка, я уже пришла.

– Ой, Валентина Георгиевна…

– Мальчики, а вы что тут загораете? Городские тушат, а вы?!

– Эта!.. Валентина Георг… Ай! Ай, вы что?! Нельзя драться, у нас демократия!

– Я, твою мать, покажу тебе демократию! А ты куда, еще один демократ?! А вы что здесь все встали, рты раззявили?! Да сейчас сгорим все на хер! Мужики вы или нет?! Быстро сюда все! Да распроебить его душу мать через семь гробов! Бабы, давайте! Не война же!

Так говорила завфермой Валя Полунина.

И народ охнул. И народ дрогнул. И народ – весь – в те неподъемные валки вцепился – старыми узловатыми пальцами, и пухлыми городским ладошками, и детскими ручками, и жилами, и пупом, и бабьим стоном, и стариковским кряхтением, и в бога душу мать, и со всеми апостолами и ангелами, и разметали те валки, как не стояло их, как будто великан разбросал детские кубики, – и спасли скирду, и спасли ферму, и спасли деревню, – и над всем этим пейзажем возвышался библейский художник Аркаша, и ветер затих, и солнышко выглянуло, а потом спряталось, и дождь пролился на землю, на людей, на Старый лес, что паром-туманом укрылся, и трещины в земле вода заполнила, и речка зажурчала, и шел тот дождь весь день, и никто от дождя не прятался.

И мы с тобой не прятались от воды с небес, что снежинками была когда-то – там, где выше снежных туч только синее-синее небо и наши с тобой звезды.

Дмитрий Данилов
АНАТОЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

Человек бил железной палкой по борту троллейбуса и кричал: «Откройте! Откройте!» Из водительской двери высунулась женщина-водитель: «Отойди! Не открою! Иди отсюда!» Троллейбус поехал, а человек продолжал бить палкой сначала по троллейбусу, а потом просто по воздуху, потому что троллейбус уехал.

Все это происходило в Тамбове, на привокзальной площади, недалеко от огромного, радужно сверкающего фонтана, городской гордости.

Лето, середина июля. Как выражаются метеорологи, воздух прогрелся примерно до тридцати градусов выше нуля. По Цельсию.

Выглядел человек удивительно. Очень низенький, примерно метр пятьдесят, полный, шаровидного телосложения. Зимняя куртка-пуховик, теплые шерстяные штаны, огромные бесформенные ботинки, шерстяная кепка. За спиной – гигантских размеров башнеобразный рюкзак, возвышающийся над головой примерно на полметра. Общая высота рюкзака сопоставима с ростом его обладателя.

Рядом стояла пожилая женщина.

– Видишь, не пускают тебя. Ладно, пойду я, идти мне надо.

И ушла. Человек остался один.

Он стоял в очень неудобном месте, в заполненной песком щели между краем разбитого отбойными молотками асфальта и бордюрным камнем. Пытался было продвинуться туда или сюда – и натыкался то на край асфальта, то на бордюр, чуть не падал, тыкал туда-сюда своей железной палкой.

– Помогите, – сказал человек. И еще несколько раз сказал: – Помогите.

Потом крикнул:

– Помогите! – И еще несколько раз крикнул.

Надо было помочь человеку, хотя и не хотелось этого делать, были совсем другие планы, надо было осмотреть город, познакомиться с его достопримечательностями, и так далее. Ну, что делать.

Подошел. При ближайшем рассмотрении выяснилось, что у человека нет глаз, веки сомкнуты над пустыми глазницами и из щелочек торчат редкие короткие ресницы. Рот у человека все время открыт, во рту розовеет язык. И запах. Не то чтобы очень сильный, но свидетельствующий о том, что человек достаточно долгое время носил, не снимая, свою одежду на жаре.

– Вам помочь?

– А? Что?

– Помочь вам?

– Что? Не слышу!

Практически на ухо:

– Помочь вам? Куда надо ехать?

– Мне… эта…

Говорит так же плохо, как и слышит. Шепелявит. Пошарил рукой в пространстве, цепко и сильно ухватился за локоть, рукав, руку:

– Мне в облсобес. В это, в защиту. Помоги.

В облсобес.

– Как туда ехать?

– Что?

– Ехать на чем?

Неожиданно отчетливо:

– Туда идет пятый троллейбус и тридцать второй автобус.

– А остановка какая?

– Не знаю, сынок. Спроси там… у людей спроси. Облсобес. Помоги в троллейбус сесть.

Рука липкая. Запах, жара. Появляется тридцать второй автобус.

– Автобус идет, пошли.

– Автобус? Какой автобус, сынок?

– Тридцать второй.

– Сынок, какой автобус? Мне тридцать второй надо.

– Вот как раз тридцать второй идет.

– Тридцать второй?

– Да, да, тридцать второй.

– Ну, давай, сынок, веди меня.

– Пошли, пошли. Осторожно, сейчас бордюр.

Надо перешагнуть.

Спотыкается о бордюр, чуть не падает, цепко впивается в локоть:

– Ай, упаду! Ай! Упаду, держи! Ой-ой-ой… Ох…

Кричит по-детски жалобно, охает по-стариковски.

– Пошли, пошли, перешагиваем. Осторожно, вот так, идем, идем.

Ходит человек не намного лучше, чем говорит и слышит. Ему мучительно трудно отрывать ноги от земли, он, шаркая, медленно выдвигает стопу на половину длины другой стопы, а потом подтягивает ту, другую, стопу, на такое же расстояние, и так передвигается. К преодолению препятствий в виде ступеней, бордюров и прочих возвышений долго готовится, по нескольку раз занося и ставя обратно больную ногу.

Автобус останавливается чуть в стороне, открывает двери, никто не входит, пытаемся успеть, не успеваем, автобус закрывает двери и уезжает.

– Не успели на автобус, подождем. Стойте, стойте, ждем.

Далее следует мучительный диалог об уехавшем автобусе, о номере его маршрута, о необходимости ожидания следующего автобуса или троллейбуса. Автобус тридцать второй, троллейбус пятый. В облсобес. Троллейбус пятый. А автобус тридцать второй.

Запах, жара. Солнце уверенно движется к зениту. Воздух прогрелся уже, пожалуй, градусов до тридцати пяти.

Подруливает пятый троллейбус, пустой. Осторожно, осторожно, вот так, ступенька, осторожно, вот поручень, вот так, а теперь еще ступенька, вот, хорошо, еще ступенька, и теперь садимся, садимся.

Рюкзак тяжелый.

Сели, поехали.

– Тебя как звать-то?

– Дмитрий. А вас как?

– Анатолий. Анатолий Васильевич. Дмитрий, ты спроси, спроси. Остановка. Где выходить. Спроси у людей.

– Спрошу, спрошу. Не подскажете, как нам до облсобеса добраться?

– Ой, не знаю.

– Извините, не подскажете, нам облсобес нужен, на какой нам остановке выходить?

– Не в курсе.

– Дмитрий, ты спрашивай, спрашивай. Облсобес.

– Да я спрашиваю. Простите, вы не подскажете, как нам до облсобеса доехать.

– Ты спрашивай, спрашивай, ну чего ты не спрашиваешь, Дмитрий, спрашивай.

– Это не облсобес, это соцзащита называется. Это вам надо на следующей остановке после областной больницы выходить. Можете у больницы выйти и немного вперед пройти, а можете на следующей остановке после больницы выйти и пройти немного назад.

– Дмитрий, ты спрашивай, что ты не спрашиваешь, спрашивай у людей.

– Это какая остановка по счету будет?

– Так… Это шестая будет. Не скоро еще.

– Спрашивай, ну спрашивай! Дмитрий! Ты где есть?

– Да я уже все выяснил, не волнуйтесь.

– Спрашивай, почаще спрашивай, проедем.

– Да я выяснил все! Все узнал!

– Узнал? Когда нам выходить?

– Не скоро еще.

На некоторое время отвлекается от остановочной проблемы:

– Сбежал я от них.

– От кого?

– Из Сосновки. Сбежал от них. Дом инвалидов, в Сосновке. Издеваются. Эта Танька. Издевается надо мной.

– Это кто?

– Кто-кто, санитарка. И другие тоже. Бьют нас там. Издеваются. В Сосновке. Воруют. Издеваются все время! – Возвышает голос: – Говорит: пошли купаться. Ну, пошли. Я залез… залез в нее, ванну… а там кипяток! Кипяток налили! Прямо кипяток! Я себе все ноги обварил, у меня тело нежное, а там кипяток, а мне нельзя, у меня тело нежное…

Произносит как-то нараспев, «не-ежнаи-и».

– … (что уж тут говорить).

Троллейбус надолго застрял на светофоре.

– Это не наша? Дмитрий! Дмитрий! Где ты есть? Что молчишь? Ты где?!

– Да здесь я, здесь. Я скажу, когда выходить. Успокойтесь вы.

– Нам на следующей? На следующей выходить? Дмитрий, спроси: нам на следующей? Там еще протезный завод. Облсобес, протезный завод…

И так еще очень много раз. Спрашивай, спрашивай, да я знаю, где выходить, спрашивай, Дмитрий, нам не на следующей, да нет, еще далеко, протезный завод, облсобес, спрашивай, Дмитрий, спрашивай.

– Ты меня не бросай, – говорит Анатолий Васильевич.

Наконец больница. Многие выходят. Нам на следующей. Кондуктора в троллейбусе нет, надо пройти до передней двери и заплатить за проезд водителю. Мучительно протискиваемся через половину салона, мучительно выползаем на свет божий.

Свет божий освещает довольно безобразное место. Вокруг как-то ничего нет. Какой-то деревянный сарай, длинный бетонный забор. Пустырь. Чуть поодаль – серая пятиэтажка. Женщина в троллейбусе говорила, что надо пройти немного назад. Но там не видно ничего, кроме бетонного забора и пустыря.

– Стойте здесь, никуда не уходите, я пойду людей поспрашиваю, где здесь облсобес.

– А? Что? Дмитрий! Ты где?

– Стойте здесь, я пойду узнаю, куда нам идти.

– Дмитрий! Дмитрий! Ты меня не бросай! Дмитрий! Ты где?!

И еще долго так кричит в пустоту, а что делать, что делать.

– Не подскажете, где тут облсобес?

– Не знаю.

– Не подскажете, где тут облсобес?

– Не знаю.

– Не подскажете, где тут облсобес?

– Не знаю.

– Не подскажете, где тут облсобес?

– Не знаю.

Да что же это такое!

– Не подскажете, где тут облсобес?

– Это вам вон туда надо, на ту сторону. Вон то здание, видите, торцом стоит. Это он и есть. Соцзащита сейчас называется, это он раньше облсобесом назывался.

Анатолий Васильевич уже куда-то направился самостоятельно, он решил, что его бросили. По инерции он продолжает периодически выкрикивать слово «Дмитрий». На него никто не обращает внимания, да и вообще людей здесь мало, глухое место.

– Стойте, стойте, нам не туда. Я все узнал, пойдем, пойдем в облсобес, это тут недалеко.

Метров двести, отделяющие остановку троллейбуса от облсобеса, преодолеваем минут за пятнадцать. Кричащий диалог не прекращается ни на мгновение, содержание реплик: «сколько идти», «уже скоро», «куда ты меня ведешь», «в облсобес», «мы где», «мы идем в облсобес», «долго еще», «уже почти пришли». И так много, много циклов.

– Всё, пришли. Ждите здесь, я к дежурной пойду.

– Дмитрий! Дмитрий! Ты куда?..

В облсобесе (соцзащите) тихо, прохладно. За столиком скучает дежурная.

– Я вам инвалида привел, слепого, на улице встретил, он просил его до облсобеса довести, вот, довел.

– Это Анатолий Васильевич небось? С рюкзаком?

– Да, точно.

– Ох, ну что же он к нам все ходит-то… Он к нам постоянно ходит, а чего ходит? Ну, давайте ведите.

Преодолеваем двойную стеклянную дверь, порожек, расстояние от двери до стола дежурной. Дежурная вызывает специалиста по инвалидам и их, инвалидов, домам, добродушную полноватую женщину. Она очень долго, терпеливо и доброжелательно разговаривает с Анатолием Васильевичем.

Анатолий Васильевич – насельник Сосновского дома инвалидов. У него нет родственников, он совершенно один. Анатолия Васильевича не устраивает уровень обслуживания в Сосновском доме инвалидов. Правда, словосочетание «уровень обслуживания» здесь вряд ли уместно. Над Анатолием Васильевичем, по его словам, постоянно измывается персонал – нянечки, санитары. Бьют, ругаются, воруют. Опять же, ванна с кипятком.

– Мне нельзя кипяток, у меня тело нежное, – говорит Анатолий Васильевич.

«Тела-а не-ежнаи-и».

Он уже в четвертый или пятый раз сбегает из Сосновки, и каждый раз приходит сюда, в облсобес, с этим огромным рюкзаком, и каждый раз говорит одни и те же слова одной и той же сотруднице собеса. Сотрудница слушает, кивает. Ну что мы можем сделать, говорит сотрудница собеса. Мы им, конечно, позвоним, санитаркам сделаем выговор, но вы же понимаете, мы же не можем их уволить, потому что никто ведь больше работать не будет за полторы тысячи рублей в месяц. Вы бы все-таки возвращались в Сосновку, все-таки там у вас есть отдельная комната, какой-никакой уход, вон, купают вас, кормят. Это же лучше, чем на улице. Вам же на улицу-то никак нельзя, вам же уход нужен.

– Не пойду я в Сосновку. Не пойду! Не желаю! Издеваются! Как в тюрьме там! Только в тюрьме со статьей, а у меня статьи-то нету!

Интонации Анатолия Васильевича из жалобно-просительных становятся требовательными. Видно, он привык к этим обличительным речам в собесе, и нахождение в позиции обличителя производит на него бодрящее воздействие.

– Хочу в другой дом инвалидов! Переведите! Требую перевести! Не хочу в Сосновку! Не поеду!

– Другой дом для инвалидов по зрению откроют не раньше 2010 года. Да и то неизвестно, может, и позже. А пока только Сосновка.

– Вот когда откроют, я тогда в него и пойду. А в Сосновку не пойду больше.

– А где же вы два года-то жить будете? У вас ведь ни кола ни двора! Как же вы зимой-то будете?

– Я знаю, как я буду. Все знаю! Я шестьдесят восемь лет прожил и еще шестьдесят восемь проживу! Не пропаду!

Разговор еще некоторое время вращается вокруг фиксированного набора тем и утверждений. В Сосновку не пойду, издеваются, где же вы будете, ничего, проживу, да вам бы лучше в Сосновку, издеваются, кипяток, тело нежное. И заканчивается этот разговор ничем.

Неожиданно вспоминаю, что Сосновка – в некотором роде знаменитое место. Там претерпел наказание кнутом основатель и лидер секты скопцов Кондратий Селиванов. Тот факт, что в результате бичевания он остался жив, считался чудом (после наказания кнутом мало кто оставался в живых, это было фактически разновидностью смертной казни). Окровавленная рубаха Селиванова почиталась его последователями в качестве святыни.

Плетемся к остановке.

– Дмитрий, посмотри, тут кафе есть? Или ларек. Вокруг только пыль, трава, заборы, вдали виднеется серая пятиэтажка.

– Мне бы поесть. Не ел ничего с утра. Поесть. Дмитрий!

– Нету тут кафе, сейчас на станцию приедем, там будет кафе.

– На станцию? Ты на станцию меня повезешь? На станции кафе нету. Мне бы в кафе. На станции буфет, пирожки. Поесть хочу. Чтобы нормально, первое, второе, окрошечки взять, водочки.

Водочки. Понятно.

Представил, как Анатолий Васильевич пьет водочку. В кафе. И ест окрошечку. Представил, как я пью водочку с Анатолием Васильевичем…

Вначале, когда стояли на привокзальной площади, влезали в пятый троллейбус и ехали до остановки «Протезный завод», было какое-то воодушевление, в голове мелькали идиотские мысли про «доброе дело» и «помочь человеку», но миллиграммы милосердия очень быстро иссякли, и осталось только тоскливое раздражение по отношению к этому человеку, который беспрерывно кричит что-то не очень связное из своей глухой безвылазной темноты; это его единственный способ коммуникации с невидимым внешним миром – кричать и бессильно вслушиваться, а в ответ практически ничего не слышно, тьма, жара, рюкзак тяжелый, надо идти, идти куда-то, собес, протезный завод, вокзал.

Поскорее бы довезти его до вокзала, он, судя по всему, к вокзалу привычный, не пропадет. В конце концов, некогда. Некогда тут мне с ним.

Как-то незаметно стал обращаться к нему на «ты». Хотя Анатолию Васильевичу шестьдесят восемь лет. Можно сказать, в отцы годится, хотя в данном контексте эта фраза звучит довольно дико. Если бы он был солидным, уважаемым пожилым человеком, я бы, конечно, обращался к нему на «вы», ни о каком «ты» не могло быть и речи. Но поскольку Анатолий Васильевич – человек не солидный и не уважаемый, а, напротив, слепой, полуглухой полубомж, то можно и на «ты», ничего, ничего. К чему эти церемонии.

Какая гадость.

Добрались до остановки. Несколько раз подряд прозвучали словосочетания «пятый троллейбус», «тридцать второй автобус» и «да, да, я помню».

– Дмитрий, а тут кафе есть? Или хоть ларек какой?

– Кафе нет, а ларек есть.

– Дмитрий, купи мне попить. Вот знаешь чего… Я обычно пиво покупаю, балтику девятку. Знаешь, такое… Балтика девятка, крепкое. Очень оно мне помогает.

– Пива не куплю, пиво – это без меня.

Купил ему и себе по бутылке минералки.

– Вода… А что вода… Вода – она и есть вода, ничего в ней нету. Балтика-то, девятка, хорошо мне помогает.

Жадно выпил воду. Я тоже. Очень жарко.

Он даже ни разу не снял свою шерстяную кепку.

– Я что, не человек? Мне бы пива, балтику девятку. Или в кафе, покушать, первое, второе, водочки. Я не человек, что ли?

Человек.

Тридцать второй автобус, влезаем, едем на станцию.

Мы где, какая остановка, когда нам выходить, мы не проедем, где мы стоим, это светофор, это наша остановка, сколько еще ехать.

По большей части молчу.

– Дмитрий! Дмитрий! Ты где? Ну чего ты молчишь! Чего ты молчишь! Чего ты молчишь!!!

Какая-то толстая баба прикрикнула:

– Да что ты все орешь?! Знает он, куда ехать! Орет и орет!

Анатолий Васильевич примолк, но не надолго. – Дмитрий, когда нам выходить? Это не наша?

Не проехали?

Вокзал, вылезаем. Другие пассажиры помогают.

– Завтра в Ржаксу поеду. – Это районный центр такой, в Тамбовской области. – В Ржаксу. Есть у меня там человек. Поезд в девять утра. Посижу на вокзале. Ты меня до сидений доведи, там сиденья, я там сижу всегда. Вот пива не хочешь мне купить. Или вот я бы водочки. Первое бы, второе. Дмитрий, а ты верующий? Баптист небось?

– Почему баптист, православный.

– В нашей вере-то пьют. А в ихней – нет, не пьют.

Добрели до зала с рядами металлических сидений, Анатолий Васильевич расположился у стеночки.

– Дмитрий, знаешь чего… купи мне пирожков с мясом. Пива мне не хочешь покупать, ну, ладно, я сам куплю, а ты мне пирожков купи. А воды не покупай, вода – она и есть вода, чего ее пить-то.

Купил пирожков с мясом. Попрощались.

Ну, давай, Анатолий, пока, дай Бог тебе здоровья, спасибо, Дмитрий, спасибо, сынок.

Зашел в туалет, несколько раз тщательно вымыл с мылом руки, особенно тщательно – левую, за которую цепко держался Анатолий Васильевич.

Вышел на Интернациональную улицу, пошел в сторону центра, испытывая яркую, звериную радость от возможности быстрой ходьбы, от возможности визуального и аудиовосприятия.

Тамбов, признаться, не произвел на меня никакого впечатления – ни плохого, ни хорошего. А ведь я приехал сюда именно за впечатлениями от города. Но получилось так, что источником основной массы впечатлений стал не город Тамбов, а его житель Анатолий Васильевич.

Побродил по центральной улице – Советской. Съездил зачем-то в один из новых микрорайонов. Съездил в пригородное село Красненькое. Погулял по Моршанскому шоссе.

Жара, пыль, пришибленное остолбенение.

Перекусил в пиццерии, послонялся еще немного по центру и поехал на вокзал. Скоро поезд.

Зашел в буфет купить что-нибудь в дорогу. У соседнего прилавка стоял Анатолий Васильевич, уже без рюкзака. Кажется, он покупал балтику девятку.

Не стал к нему подходить, купил бутылку минералки и пошел к выходу на платформу.

Александр Феденко
АРЕСТ ЛЕНИНА

Однажды Ленина арестовали – за кражу, он квартиру выставил в Мытищах. А его поймали с поличным. В форточке он застрял и вылезти не мог. Потому что мертвый был.

На самом-то деле его кто-то засунул туда, в форточку, чтоб сквозняки не дули. А все имущество пропил.

Ну вот, поймали Ленина – начали судить. Судили-судили. Приговорили к расстрелу. Потому что отягчающие полезли.

Судья говорит:

– Дай десять тыщ – отпустим.

А Ленин не дает.

Судья:

– Дай хотя бы пять, не жлоби судьбу.

А Ленин не дает.

Судья думал, что Ленин принципиальный, но у того просто денег не было. Потому что он мертвый был.

На самом-то деле менты при задержании у него все деньги вытащили. И сразу же пропили.

Повели Ленина на расстрел. Поставили к стенке, отошли – а он падает. Вернулись, подняли, отряхнули, поставили к стенке, только стрелять – он, сука, падает.

Все думали, что Ленин пьяный. А он просто мертвый был.

Владимир Гуга
БЕЛОЧКА

На станции «Переделкино» наблюдалась впечатляющая картина. В то время как основная часть пассажирской массы стояла лицом к краю платформы, небольшая группка смотрела в сторону кустов, сгрудившись около железного забора. Они наблюдали что-то необычное. Должно быть, драку или изнасилование. Хотя для изнасилования еще слишком холодно. Минус десять, все-таки. Так или иначе, за забором происходило нечто выходящее, как говорится, за рамки обыденного.

Так и есть, народ сквозь железные прутья забора смотрел на белку, а белка как-то оцепенело смотрела на народ. Зрители при этом умиленно улыбались. Казалось бы, что такого? Просто бесплатный зоопарк. Ан нет! В этом зрелище заключена бездна аллегорий. Допустим, белка – это любовь, а забор – череда обстоятельств, ложных убеждений, прогнивших семейно-бытовых традиций.

Или белка – это Россия. Юркая, быстроглазая Россия с большим пушистым хвостом, а забор – это феодально-полицейская власть, отделяющая свободолюбивый народ от своей Родины.

Или белка – это просто жизнь. Полнокровная, свободная, творческая жизнь, а забор – это скопище комплексов, заблуждений, ошибок, отделяющих личность от этой жизни.

Или белка – это Бог, а забор – дьявол, который никак не дает людям соединиться с Богом.

Или белка – это нирвана, а забор – бесконечный кармический цикл жизней, который надо обязательно преодолеть…

От обилия аллегорий кружится голова. Тут ведь, если очень постараться, можно и роман написать толстый – «Белка и забор». Потом получить премию, нажить врагов. Столько проблем сразу навалиться. Их придется всю оставшуюся жизнь решать. Поэтому лучше поскорее забыть эту сцену и вернуться к серьезным делам.

Дмитрий Конаныхин
БЕЛЫЕ ОБЛАКА НАД МОСКВОЙ

1

…Оно почти опустилось к воде, но горячий ветер проскочил под Крымским мостом и тихо понес белое облачко над рекой. Вокруг гудел большой город, на набережной бродячие художники сворачивали свои шедевры, мимо Кремля медленно полз рубиновый поток застрявших в пробке автомобилей, усталая звезда давно опустилась за крыши, кремово-пыльное небо становилось удивительно бирюзовым, и в этой бирюзе, тихо и незаметно, растаяло белое облачко, единственное в небе в тот день.

2

– Знакомьтесь. – Импульсивный Вовчик ворвался в мой кабинет. За ним вошла незнакомка. – Это Григорий Алексеевич, наш директор.

Пока Вовчик, мой главный акционер, каплей ртути носился по кабинету, я разглядывал новенькую. Передо мной стояла копия Мирей Матье, тонкая талия, капризный ребенок со строгим лицом.

– Здравствуйте. – Она протянула руку.

– Здравствуйте. – Я тщетно пытался понять, сколько ей лет, – то ли на пять, то ли на десять, нет, все-таки на пять лет старше, нет, – короче, держал ее теплую ладошку и, как дурак, пытался опустить брови.

– Григорий Алексеевич, Валерия Игоревна Потоцкая будет вести бэк-офис акционеров. Ну, знакомьтесь, общайтесь. Да, кстати… Валерия Игоревна пришла к нам из N-нефти. – Вовчик остановился на пороге. – Понятно? – И выскочил из кабинета.

И вдруг Валерия Игоревна Потоцкая, не выпуская моей руки, показала спине Вовчика язык.

– Понятно, – сказал я.

3

– Мы их сделали, Гришка, мы их сделали! – Лера прыгала и кричала шепотом. – Мы их сделали! Ур-р-ра!

– Тише ты! Услышат. Тихо-тихо. Успокойся.

– Нет, ну как ты это придумал, с предварительным протоколом! Это какая-то математика?

– Угу. Теперь они не проведут своих представителей в наблюдательный совет. Ни хера у них не получилось.

– Тебя этому учили? Ты расскажешь, как это?

– Расскажу. А ты меня поцелуешь?

– Поцелую. Потом. Если ты этого захочешь.

– Я сейчас хочу.

Она стала очень-очень серьезной. Подошла ко мне, впилась взглядом, ее зрачки дышали, какие-то тени бежали по лицу. Потом она поднялась на цыпочки и поцеловала меня. Теплые губы. Запах помады и сигарет. И вдруг горячий язык – сильной змейкой.

– Понятно?

– Понятно, – сказал я.

4

– Ты знаешь, кто это? Тихо, не оборачивайся сразу.

Лера откинулась на спинку мягкого дивана, кошачьи глаза прищурились, она смотрела мимо меня. Я уронил салфетку, оглянулся.

За соседним столиком маститый режиссер, хозяин ресторана и по совместительству хозяин кинофестиваля, выгуливал своих гостей. За огромными окнами белела громада храма Христа Спасителя. Кинозвезды сняли натруженные маски и сразу стали похожими на нормальных людей – усталые лица, мешки под глазами, естественные жесты, лишенные элегантной вздрюченности. Люди как люди – в час ночи посреди огромного города. Один мужик посмотрел в нашу сторону и сразу как-то напрягся.

– Я только Ольбрыхского знаю. Погоди. А он-то тебя откуда знает?

– Еще бы ему меня не знать.

Валерия Игоревна Потоцкая сняла туфли, явно нарочно села по-турецки и медленно-медленно закурила. Огонек зажигалки плясал в ее глазах. Я оглянулся еще раз. Поляк сидел бледный и явно не попадал в разговор.

– Понятно, – сказал я.

5

– Ах, как жалко, что ты не поэт…

– Я бывший инженер. Какие из технарей поэты? У меня руководитель диссертации, доктор наук, вот он картины пишет. И сейчас пишет. Маслом. Пейзажи.

– Это не то. Ты понимаешь, это не то. Я люблю такую сдержанность линий, элегантную простоту… Ты любишь Модильяни?

– Модильяни? Кто это?

– Ничего ты не знаешь, ты сухой сухарь, засохший сухарь Гришка.

– Чего ты дразнишься? Я технарь, я другому учился. Не дразнись.

– Ладно, технарь. Я покажу тебе все музеи… Короче, один мой друг… Он был моим… другом. Однажды мы гуляли по ночной Москве, а потом он начал читать мне стихи:

Два эха в рощах живут раздельные,
как будто в стереоколонках двух,
все, что ты сделала и что я сделаю,
они разносят по свету вслух…

– Возне…

– Чш-ш-ш… – Ее пальчики легли на мои губы. – Не надо. Да… А потом я разулась и прыгала по припаркованным машинам. Сигнализация на каждой ка-а-ак закричит! Я прыгаю по машинам, а он прыгает внизу и кричит свои стихи.

– По капотам, что ли?

– Ага. Слушай, зануда, я тебя не просто так сюда привела. В этом ресторанчике лучшее в Москве тирамису. Хочешь ложечку?

– Нет.

– Обиделся? Ну и дурак.

– Понятно, – сказал я.

– Точно дурак.

6

– Любому управленцу известно, что в молодой компании все ходят в джинсах, бредят проектами, вкалывают twenty four seven и смеются. Заматерев, хищная компания обзаводится роскошным офисом с двух-, трехъязычными амбициозными телками, заводит строгий дресс-код, а в умирающей компании совет директоров начинает свое заседание с обсуждения дизайна мраморной лестницы у главного входа…

– Все обсуждают? – Валерия Игоревна скучала возле кофемашины.

– Да.

– Хочешь яблоко?

– Нет. Спасибо. Ты что же, одно яблоко на целый день? И кофе, и сигареты?

– Слушай, зануда. Я. Не. Хочу. Толстеть. Понятно? Ты лучше скажи, они точно хотят мраморную лестницу? Ты не шутишь?

– Нет. Совершенно точно. Мраморную лестницу. Пятнадцать лет холдингу. Круглая дата. Круглая смета на ремонт.

– Они с ума сошли? Ты же сам говорил – из пятнадцати три дочерние компании бунтуют. Ты же сам говорил, что там по нефтянке косяки.

– Они акционеры. Хозяева. Тратят на себя. Мир, дружба, жвачка.

– Ты хочешь сказать, что я должна составить смету, найти подрядчиков и сделать им эту ебаную мраморную лестницу?

– Совершенно верно.

– Они охуели. Они совершенно охуели. Они же убьют в компании все живое. Ты понимаешь? Тебе-то хоть понятно?

– Понятно, – ответил я.

7

– Булочная. Лера, почему ты так странно говоришь – «булошная»?

– Потому что дожжжь.

– Дождь же.

– Дожжжь.

– Ты же не москвичка. Зачем тебе это?

– А ты зануда. Теперь – москвичка. Так надо. Ты что, не понимаешь, что здесь все друг друга знают? Сразу определяют, кто откуда.

– Знают?

– Конечно. Меня по свекру знают. А ты никогда не будешь своим.

– Свекор… Ты говорила, он же из Конторы.

– Слушай, чего ты морщишься? В разведке тоже люди работают. И я скажу тебе, заруби себе на носу – там работают очень хорошие люди.

– Вполне допускаю.

– Вот и умничка.

Валерия Игоревна Потоцкая, дочка главного инженера N-ского машиностроительного завода, приехала в столицу из Хабаровска и, как и положено умной девочке, больше общалась,

чем училась. Она быстро вышла замуж за влюбленного в нее по уши хорошего мальчика из хорошей семьи, отец-генерал организовал сыну «двушку» на Мосфильмовской, жизнь потекла своим чередом, потом Большая страна приказала долго жить, свекор кого-то не того поддержал в 93-м, попал в опалу, потом еще какие-то были неприятности по работе с нелегалами, инсульт, похороны, старший брат мужа быстро поднялся по компьютерам, что-то по безопасности, но младшего к себе не брал. Валерия Игоревна и в мебельных салонах работала, и за переводы бралась, чтобы любимого сына Сашку прокормить в лихое время, и чем только не занималась, пока муж ковырялся с компьютерами. Потом звезды над башнями Кремля повернулись нужным образом, Контора вспомнила, муж «попал в струю», вернее, «в трубу», и все получилось здорово.

– Он тюфяк. Говорит, что я молодость провела у барной стойки. А сам не научился полотенца после душа на полотенцесушитель вешать. Я ему и так говорила, и эдак. А он – все не умеет полотенца вешать. Полотенца сырые. Пахнут. Настоящий тюфяк.

– Кто?

– Мой муж. Чего молчишь, зануда? Отвечай, а то как врежу больно.

– Не знаю, что сказать.

– Ты хитрый. И чего я с тобой вожусь?

– Не знаю.

– Сволочь.

– Понятно, – сказал я.

– Обиделся?

– Ни капельки.

– Ладно, Гришка. На следующее лето я буду тебя учить на роликах гонять.

8

– Хорошо, Григорий Алексеевич, значит, договорились. К следующему совету директоров подготовьте, пожалуйста… – Вовчик издал какой-то клекот и сбился с мысли.

Мимо нас прошла Валерия Игоревна, очень замороченная предстоящим «мраморным подвигом», кому-то выговаривая по мобильному. Э-э-э… Нет-нет, все было правильно и даже чудесно – на мужской взгляд. В то жаркое лето в моде было все белое, но… То ли ткань была такая, то ли освещение, но белые брючки обтягивали попу Леры столь чудесным образом, что белые стринги светились сквозь предательскую ткань.

– Владимир Арсеньевич? – совершенно по-хамски прервал я разлет мыслей Вовчика.

– А? Ну да. Короче. Подготовьте. Да. Сейчас. У меня срочный звонок.

И Вовчик, с совершенно потусторонними глазами, пошел вслед за плавно удалявшейся Валерией Игоревной.

Я догадался не засмеяться.

9

– А сейчас!.. – Массовик-затейник кричал на весь ресторан. – А сейчас! Конкурс! Нам нужны молодые крепкие мужчины! Главный конкурс! Нашему замечательному холдингу пятнадцать лет!

– Гришка! Давай! Сможешь? Ты выиграешь! Ну, давай! – В ее глазах плясали те самые огоньки – огнем и мечем[1] Лера не собиралась никого брать в плен. – Давай, зануда!

[1] Намеренный полонизм, отсылка к знаменитому польскому сериалу Ежи Гофмана Ogniem i mieczem.

– Я зануда?!

– Ты!

– Та-а-ак! Та-а-ак! – вопил «массовик с вот таким затейником». – А сейчас! Сейчас – у нас есть три богатыря! Держите. Вот, каждому по мешку. Дорогие наши гости! Сейчас три наших богатыря покажут нам молодецкую удаль! Принесут нашему царю… – Пьяненький Вовчик в царской короне восседал на импровизированном троне во главе огромного стола. – Принесут нашему царю! Полный мешок подарков! Кто первый наберет мешок, тот и победит! Раз! Два! Давайте, гости дорогие, давайте на весь «Царев сад»! Раз! Два! Три!

И Сашка-главбух побежал набивать огромный мешок апельсинами, какими-то салфетками со столов, которые ему пихали девчонки из финансового департамента, и Рауф, технолог по нефтегазу, побежал к своим – ребята из Альметьевска начали снимать пиджаки, запихивать в мешок… А я подошел к Валерии Игоревне и положил мешок перед ней:

– Полезай.

– Я?

– Быстро!

– Ты сумасшедший?

– Да.

Мешок ей на голову, на плечо, и на счет «двенадцать» я уже стоял посреди зала. Затейник охнул и перестал орать. Вовчик удивился. Удивились все. Только Валерия Игоревна беззвучно хохотала.

В мешке.

На моем плече.

10

Такси остановилось недалеко от ее дома. Мы вышли. Легкий снег наполнял желтые лучи фонарей какой-то тихой, кружащейся радостью. Было слышно, как шепчут снежинки, раскрашивая город всеми оттенками предновогоднего белого счастья.

– Ты сумасшедший. А я пьяная. А ты – су-ма-сшед-ший Гришка.

Ее шубка пахла духами.

На остановке какая-то женщина поддерживала очень толстого дядьку:

– Сережа. Как ты, Сережа?

– Все хорошо, мама.

– Сережа? Может, «скорую»?

Вдруг мужик айкнул и завалился на снег.

– Се-ре-жа! Сереженька! Люди!

Мы бежали к ним.

– Гришка! Сделай же что-нибудь!

Мужик быстро темнел, становился бурым, потом фиолетовым, я все пытался запустить его сердце, дышал его свекольным запахом, его слюнями, давил на грудину, от меня шел пар, я слышал все через вату в ушах, визг женщины, Лера что-то кричала в мобильник, снег таял на моей шее и потом перестал таять на лице Сергея…

– Ничего, ребята. Вы ничего не могли сделать. – Врач был спокоен как удав. – Ничего. Так бывает. Ладно. Мы его заберем. Поможете поднять. Он страшно тяжелый.

– Конечно.

«Скорая» выключила синие огни и уехала.

– Ты иди, Лера. Муж.

– Кто?

– Муж. Сашка. Сын.

– Хорошо. А ты?

– А я… Я поеду. Все хорошо. Застегни шубку.

– Что?

– Замерзнешь. Беги. Беги. Все хорошо.

11

– То есть как – ты не племянник Вовчика?

– Вот так – не племянник.

– Погоди. Так не может быть. – Лера даже разволновалась, закурила. – Мне все сказали, что ты его племянник. Что поэтому ты такой борзой. Я не поверила, что тебя могут уволить.

– Вот так. Я был для них чужак. Я пришел по объявлению. Я никто в этом городе. Человек из ниоткуда.

– Врешь.

– Не вру. Все, что я делал, я сделал своей башкой. Я – бедняк.

– Погоди. – Она чуть не заплакала. – А я тебя раскручивала на самые дорогие рестораны, я же думала, что ты…

– Что я блатной? Что я блатной зануда, да?

– Ты сумасшедший. Ты сумасшедший, понятно?

– Понятно, – сказал я.

12

– Гришка. Что со мной, Гришенька?

Лера сидела на больничной кровати в новеньком спортивном костюмчике, сжавшаяся, похудевшая, растерянная.

– Все хорошо. Классно выглядишь.

– Правда?

– Очень. Отдохнешь, отоспишься. Тебе к лицу.

– Гришка, это же обследование. Я просто подожду, да? Гришка, ведь ничего не болит, что же такое, ну как же так?

– Да все нормально.

Все было плохо. Муж Валерии Игоревны, тюфяк, не умевший вешать мокрые полотенца, тюфяк, не знавший поэтов Серебряного века, завел себе бойкую любовницу. Пока Лера его терпела, он «представляешь, купил этой гадине квартиру, сделал ей ремонт, ты представляешь?! Как же так?!». Совершенно неожиданно уютное мироздание Валерии Игоревны Потоцкой, ее благополучие – со всеми нужными и правильными знакомыми, «булошными», кафешками, музеями и мной, в качестве вибратора души, – развалилось, рассыпалось, растаяло: и тюфяки могут, оказывается, взбрыкнуть.

– Ты правду мне говоришь, Гриша? Я такую усталость чувствую. Ты один ко мне пришел. Ко мне никто не ходит. Они такие занятые, да?

– Конечно. Ты просто устала. Все будет хорошо.

– Я тебе верю, Гриша.

13

Звонок. Незнакомый номер.

– Григорий Алексеевич?

– Да.

– Это Саша. Саша Потоцкий.

– Здравствуйте, Саша. Что случилось?

– Мама хотела… Мама оставила записку. Она написала, чтобы вы обязательно были на отпевании. Вы знаете N-скую церковь?

– Да.

– Что вы сказали?

– Буду.

…Она лежала в гробу… Такая маленькая. И такая… желто-фиолетовая. Ссохшаяся. Бесконечно усталая. Измученная девочка. В беленьком платочке, совсем по-русски. Гроб был ей не по размеру – она же была такая маленькая, как Мирей Матье. Поэтому ее всю обложили цветами. Свечка потрескивала. Я не мог отвести глаз – такая она была… Вдруг мимо меня, всхлипывая, прошел Вовчик и положил ей в ноги огромный букет алых роз.

14

– Григорий Алексеевич?

– Да, Саша.

– Григорий Алексеевич, мы нашли еще записку. Мама пишет… Мама написала, что вы ее лучший друг, что вам сказала, что вы знаете место. Мы из крематория забрали прах… А не знаем, где место.

– Я покажу. Вы сегодня хотите?

– Да.

– Тогда через час. На Крымском мосту, со стороны Галереи.

Тюфяк держал в руках маленькую коробочку. Саша, студент «Керосинки», высокий, красивый мальчик, стоял рядом.

– Это здесь, – сказал я.

– Вот как бывает, – сказал Тюфяк. – Я не думал, что от человека так мало остается.

Он открыл коробочку.

Две-три пригоршни белого пепла – сухого, как мои глаза.

Тюфяк перевернул коробочку, и белый пепел с легким шелестом полетел вниз, разрастаясь белым облаком.

Оно почти опустилось к воде, но горячий ветер проскочил под Крымским мостом и тихо понес белое облачко над рекой. Вокруг гудел большой город, на набережной бродячие художники сворачивали свои шедевры, мимо Кремля медленно полз рубиновый поток застрявших в пробке автомобилей, усталая звезда давно опустилась за крыши, кремово-пыльное небо становилось удивительно бирюзовым, и в этой бирюзе, тихо и незаметно, растаяло белое облачко, единственное в небе в тот день.

Владимир Гуга
БОБИК СДОХ

Как дела? Сейчас немного успокоюсь и расскажу. Вот, вроде успокоилась. Рассказываю. Значит, так. Я пошла за подарком в «Путь к себе». Там я купила фигурку Будды из сандала. Сережа любит всякие такие цацки. У него дома уже целая коллекция: африканские маски, сеточка для ловли снов, кальян. Ну, я такая решила ему на день рождения подарить какую-нибудь такую штучку… Иду, типа, в гости, подхожу к переходу через Пресненский вал и чувствую – в ногу что-то тыкается, что-то холодное и мокрое. Смотрю вниз и вижу – собака. Знаешь, самая отвратительная порода. Тупая морда, розовый нос, крохотные глазки, как у свиньи. Маленькая, но очень опасная. Не знаю, как точно называется. То ли питбуль, то ли бультерьер. Короче, какой-то буль. Чудовище. И сука к тому же. У нее на белом таком гладком брюхе соски болтаются. Фу! Ну, я вся такая в шоке стою. И вижу, тетка идет. Как бы бомжиха, только не бомжиха еще. Или уже. Не понятно кто. Голос у нее хриплый, как у пьяницы. Блин! Она орет мне: «Девушка, держите собаку, она сейчас на проезжую часть выскочит. Девушка, схватите ее за ошейник». А сама этой суке кричит таким тонким ласковым голоском: «Джерри! Джерри! Ко мне! Ко мне!!» Я такая ей ору: «Я собак боюсь!» И тут тетка мне ответила. Знаешь, повторить трудно. Подожди, сейчас соберусь. Подожди, подожди… Все, вроде собралась. Она мне крикнула: «Ты – хуйня, а собака дорогая!» На всю улицу крикнула. Ох… Блин, я даже не обиделась. Это было что-то страшное. Потом эта полупьяница подошла, схватила Джерри за ошейник и опять тонким голоском: «Пойдем, пойдем, маленькая! Нам кусять пора». Прикинь, они ушли, а я осталась стоять. Потом заплакала. Типа, все кончено. Бобик сдох. Стою плачу как дура. А все мимо идут. Машины едут, а я реву. Блин, я реально испугалась. Побежала домой. Уже не до Сережи стало. Прибежала. Хорошо, что дома родителей не было. Посмотрела на себя в большое зеркало. Я как я. Все в порядке. Потом вижу: что-то все-таки не так. Не пойму. Ну, разделась полностью и снова у зеркала голая встала. Да все в порядке! Спиной повернулась, боком. Все нормально. Все на месте. Потом пригляделась… Блин! Знаешь, что я увидела? Я увидела то, чем меня назвала бомжиха. Понимаешь, вот стою, смотрю и вижу, как очень медленно, ну, очень медленно, я превращаюсь в хуйню… Извини за это слово. Я все поняла. Когда-нибудь я стану похожа на эту бомжиху. Ох, не могу… Каждый новый день – это шаг к ней, к хуйне. Короче, все вокруг – хэ. Ну, я посидела как дура, посидела, а потом поняла, что бог – тоже хуйня. Прикинь! И мне сразу как бы полегчало. Я все поняла сразу. Просто ничего нет, вот и все. То есть чего-то нет, а ничего как раз есть. Понимаешь? Блин, я не знаю, как это объяснить! С одной стороны, раньше было страшно, но не скучно, а с другой стороны, если знаешь, что жизнь – хуйня, не страшно, но скучно. И вдруг я решила, что надо делать. Во дворе на лавочке сидели как бы два безработных пьяницы и таджик с метлой. Почему таджик? Да он сидел в национальной оранжевой безрукавке. Я эту компанию из окошка увидела. Ну, я такая вниз побежала босиком, на улицу выскочила. Одним из алкашей оказался мой сосед – дядя Коля. А второй – парень незнакомый. Мятый какой-то. А у таджика все лицо в оспинах. Ну, я такая вся к ним подхожу и спрашиваю: «Мужчины, разве я – хуйня?» Халатик скинула – оп-ля! А потом голая прокрутилась вокруг себя, пританцовывая, как меня маленькую в хореографическом ансамбле «Березка» учили. У таджика тут же метла из рук выскочила, парень выкатил глаза и загудел, как сломанный холодильник, а дядя Коля привстал со скамейки и застыл, будто поднял огромную коробку с телевизором и в этот момент его прихватил приступ радикулита. А я обратно голышом в подъезд – шмыг! И быстро в квартиру. Подбежала к окну, смотрю, ничего не изменилось: дядя Коля все так же в раскоряку стоит, метла валяется, парень, парализованный, сидит. Вот так! Никакая я не хуйня! Ясно? И никогда ей не буду. Я

всегда буду такая вся. И жить буду весело и бесстрашно. Ну вот, как бы все рассказала. А у тебя как дела?

Михаил Липскеров
БОТАНИЧЕСКОЕ

Камыш потишал… А как шумел!.. Страшно…

Клен мой опавший так и не встал… Незачем…

Березку, в которую был тот Клен влюблен, пустили на растопку…

Равно как и ту, что во поле стояла…

Белой Акации гроздья душистые пошли на благовония… По стольнику за гроздь…

На месте Вишневого Сада вместе с Отцветшими Хризантемами пасутся Кони, Белогривые лошадки…

Ромашки не только спрятались, а при этом еще и поникли словно Лютики…

Едва народившуюся Елочку срубили под самый корешок…

Бузину из огорода продали в (не помню названия) Дядьке… Чужому, нелюбимому…

Стройная Рябина перекосоерилась. Под Саксаул косит…

Дуб, бывший Рябинин дроля, гниет после посещения Свиньи…

Сирень-Черемуха в саду остались только в больной памяти…

Ландыши, Ландыши… А что это такое?..

И ни у Ясеня, ни у Тополя не спросишь, где моя любимая?..

Не водятся на Святой Руси ни Ясени, ни Тополи…

Одни Анчары…

Халифат, однако…

Евгений Сулес
ВИНО ИЗ КИШИНЕВА

И опустился теплый кишиневский вечер. Такой, какой бывает только в Кишиневе в конце лета. Кто был, знает.

За столом сидели потрясающе красивые и умные женщины. И было совершенно не понятно, кто из них лучше и краше, за кем же именно надо ухаживать. Глаза и все остальное разбегалось в разные стороны. И я ухаживал за всеми сразу, то за одной, то за другой, беспечно и жадно. Не хотелось никого упустить, ограничить жизнь выбором, нарушить частностями целостность мира, такую редкую и такую счастливую.

Вечер перерастал в ночь, таял в ней. Когда первые женщины стали выпархивать из объятий застолья, я щедрою рукою отпускал их. Пусть летят себе по уютным квартирам, мне же лучше – с каждой упорхнувшей выбор становится легче. Но наши ряды редели все сильней, мелькали лица, прощальные поцелуи, слова… А потом испарились и последние красотки. Я остался один. Какой-то нудный тип говорил без умолку, было уже почти утро, и я, оставив нудного, в гордом одиночестве отправился спать.

Только командировочный знает, как тяжело уснуть одному в номере, в чужом городе, в чужой накрахмаленной постели… И чем лучше номер, тем тяжелее уснуть. Эти номера созданы для любви! Для ночи любви. Одной-единственной ночи любви с прекрасной незнакомкой, с которой свела тебя судьба: подвела, подарила и забрала с собой в другие, уже не ведомые тебе ночи. Не твои ночи, чужие очи…

Бляди кликают командировочных в гостиничных холлах первых этажей: «Мужчина, а мужчина, вам не скучно?» А у самих голоса такие сладко-скучные, что командировочным становится еще тоскливее, будто они по ошибке глотнули холодных кислых щей. «Не спите?» – звонят бляди бедным командировочным среди ночи. «Не спим», – грустно отвечают командировочные. «А вы не нас, случайно, ждете?» – не унимаются бляди. Нет, дорогие, не вас! Не вас ждут бедные командировочные, затерянные в чужих, больших и малых, городах.

Так я и проворочался, не сомкнув глаз, в двуспальной кровати, не согласный на рукоблудие. Этот кишиневский вечер обещал все, а не дал ничего!.. Поздним утром я улетел из Кишинева несолоно хлебавши.

И уже много времени спустя в одну из особенно одиноких ночей был какой-то бордель, Диана с длиннющими волосами…

– А, правда, что я похожа на одну старую французскую актрису? – говорила Диана.

– На старую актрису ты будешь похожа еще не скоро… – отвечал я, чтобы что-то ответить.

– Нет, ну, в смысле, она не старая… была… она в старых фильмах снималась.

– Ну и на какую?

– Нет, ты сам посмотри… – игриво не унималась богиня охоты. – Правда?

И я смотрел на нее, перебирая в уме французских актрис. И ни на кого из них она не была похожа.

– Ну и на кого, что-то я не соображу…

Диана задумалась.

– Ну, может, она и не французская, может, она итальянка…

И я снова смотрел на Диану и перебирал в уме уже итальянских актрис.

– Сдаюсь! На кого?

– На Одри Хёпберн! – победоносно заявила Диана. – Знаешь, был такой фильм – «Завтрак у Тиффани»? Вот на нее я и похожа…

– Ты смотрела «Завтрак у Тиффани»?

– Смотрела, – ответила очень просто Диана, даже не догадываясь, что этим можно гордиться. Что многие девушки, которые сидят сейчас в модных дорогих кафе с томиками Гришковца или Бегбедера, не видели «Завтрак у Тиффани».

И я в третий раз пристально посмотрел на Диану, в уме перебирая планы с Одри Хёпберн, и вдруг понял, что она и вправду на нее очень похожа. И с этого момента пребывал в полном ощущении, что я в постели с Одри Хёпберн, и это именно Одри просит, чтобы я взял ее за волосы… просит, а на самом деле разрешает все то, о чем просила в ту ночь Диана.

– У вас тут выпить-то что-нибудь есть?

– Ой, у нас нету… – всплескивала руками Дианочка-Одри.

– Что же это за бордель, где нет выпивки… – ворчал я.

Диана задумалась.

– Сейчас, подожди минутку…

Она исчезала, а я лежал один, в полумраке чужой комнаты, в отблеске горящих свечей, на чужой постели, где до меня было столько мужчин и будет после меня…

Диана вернулась с темной жидкостью на дне пластмассовой бутылки:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.